

Любовь и тайна

Читайте о магии, любви,
верности и чести в цикле романов
Елены Арсеньевой
«Советский колдун»

Любовь колдуна

Наследство колдуна

В моих глазах – твоя гибель!

Чёрная карта судьбы

Ведьмин коготь

Дом проклятых душ

Елена
Арсеньева

Дом проклятых
душ

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление *Елены Анисиной*

Иллюстрация на переплете *Елены Черновой*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.
А85 Дом проклятых душ / Елена Арсеньева. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105296-6

Оказывается, сон — опасная штука! Маша Миронова узнала это на собственном опыте. Благодаря сну она влюбилась в какого-то загадочного типа по имени Иван Горностай. Благодаря сну отправилась в заброшенную родную деревушку. Заброшенная-то она заброшенная, однако там запросто можно встретиться с ведьмами и призраками, явившимися из прошлого, а также с бывшим другом детства, который тоже ищет Ивана Горностая — однако не для того, чтобы спасти его, а чтобы убить. Ну и Машу заодно...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105296-6

© Арсеньева Е., текст, 2019
© Чернова Е., иллюстрация на переплете, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Полон воздух забытой отравы,
Не известной ни миру, ни нам.
Через купол ползучие травы,
Словно слезы, бегут по стенам...

Юрий Кузнецов

ПРОЛОГ

...Черная козочка захворала, и захворала нешуточно: это было ясно даже Маше, которая не понимала вообще ничего ни в какой деревенской животине. Козочка лежала на полу возле лавки, крепко зажмурившись и бессильно свесив голову; дышала неровно, слабо вздымая бока, и видно было, какие у нее сухие ноздри.

«Ах, бедняжка, ишь как жаром пышет!» — с неожиданной жалостью подумала Маша.

— Забить надо, пока не сдохла, слышь, Ефимовна! — пробормотал кто-то сзади.

Маша хотела оглянуться, но в эту минуту невысокая немолодая женщина вышла из темных сеней с деревянной бадейкой, наполненной водой, и понесла ее к печи.

Маша озадаченно нахмурилась. Такие раритетные бадейки она видела только в кино про старинную жизнь. А что, эмалированные и цинковые ведра здесь уже в дефиците?

Похоже, здесь не только ведра в дефиците, но и нормальная одежда. С чего вдруг женщина напялила на себя какой-то синий сарафан, перехваченный под грудью, и рубаху с пышными рукавами? Почему голова ее так странно повязана платком, как будто обвита им? Старинное слово «повойник»

Елена Арсеньева

пришло на ум, и Маша растерянно хлопнула глазами.

Сарафан, повойник, бадейка... А вид этой закопченной кухоньки? А неуклюжая, из камня сложенная печь, на которой исходит паром большой горшок?..

Ефимовна... где-то Маша слышала это отчество, причем недавно!

— Тебе лишь бы кого-нибудь забить, Донжа, — буркнула Ефимовна, обращаясь к тому, кто подал ей столь угрюмый и жестокий совет, но не поворачиваясь к нему. — Неужто не назабывался еще?

Донжа! Маша схватилась за сердце. Колдун, убийца, о котором говорили Горностаи и Марусенька!

Хотела посмотреть на него, но оглядываться было страшно. А вдруг он ее заметит?! Вспомнила, что в деревне Завитой ее никто не видит, и стало немного полегче.

— Поговори мне! — пригрозил Донжа из темноты, но Ефимовна только отмахнулась.

Она выкатила из-за печи булыжник и, открыв дверку печи, сунула камень в огонь. После этого вбежала в горницу и вернулась оттуда с лоскутным одеялом, порядком вылинявшим. Затем из кухонного ларя был извлечен мешочек соли, со стола небрежно сдвинута посуда и снята потертая, невесь когда сотканная скатерка.

Ефимовна укутала козочку скатеркой, а потом натерла ей уши и морду солью. Коза лежала безучастно, вроде бы даже не дышала.

— Забить бы! — уже с откровенной злобой прошепестело из темноты.

Хозяйка показала в ту сторону кукиш, а потом взяла большой железный совок и веник. Прутья ве-

Дом проклятых душ

ника мигом затлели, когда она вытаскивала из печи булыжник, закатывала его на совок, а затем плюнула в ведро.

Оттуда мигом повалил пар.

Ефимовна затоптала задымившийся веник, подхватила ведро и поставила рядом с козочкой. Прилегла к больной животине и с головой накрылась одеялом.

— Вот ведь зараза упрямая! — вызверился Донжа, а потом зашаркали удаляющиеся шаги и хлопнула дверь сеней.

Убрался, колдун, убийца. Слава богу! Пусть он не видит Машу, но само его присутствие в ужас кого угодно приведет!

Маша неотрывно смотрела на одеяло, из-под которого виднелись копытца козочки и босые ноги Ефимовны. Той, конечно, приходилось нелегко: дыхание Ефимовны было громким и надсадным, она иногда ворочалась и на миг сдвигала одеяло, чтобы сделать глоточек свежего воздуха, а козочка по-прежнему лежала недвижимая и безучастная ко всему.

«Хоть бы ожила!» — вдруг страстно возмечтала Маша, хотя прекрасно понимала, насколько нелепым было здесь, в этом доме, в этой деревне, ее желание. И тем не менее она продолжала, замерев от волнения, следить за лежащими под одеялом Ефимовной и козой.

Наконец женщина резким движением сбросила одеяло и с надеждой уставилась на козочку.

Та все еще лежала неподвижно, и большие черные глаза ее то открывались, то слипались, как у сонного дитяти.

Черные глаза!

Маша невольно схватилась за сердце.

Елена Арсеньева

Неужели все-таки?..

— Умучилась, конечно, — пробормотала Ефимовна. — Как тут не умучиться? Но оживешь, куда не денешься!

Хозяйка проворно поднялась и налила в глубокую обливную миску молока из старого горшка, стоящего на печи подальше от огня. Козочка потянулась к молоку, подергала ноздрями, глотнула разок, другой, а потом поднялась на еще подгибающиеся ножки.

Ефимовна заботливо поддержала ее. Козочка качалась из стороны в сторону на дрожащих ногах, но пила не отвываясь. Хозяйка подлила еще молока. Козочка вылакала и его — и вдруг запрыгала по кухне: конечно, пошатываясь, но все-таки держа хвост свечкой.

— Ожила! — хором сказали Маша и Ефимовна.

В ту же секунду Маша вспомнила, как замыкать рот, и проделала это движение. Неуклюже получилось, но все же, видимо, подействовало: хозяйка ее не услышала.

— Ох какая же ты шустрая да быстрая, милая моя! — приговаривала Ефимовна, обнимая козочку и целуя ее в голову, на которой красиво завивалась черная шерсть. — Ох ты милая!

У Маши даже слезы навернулись на глаза.

— Надо же, а я думала, что все уже выплакала! — пробурчала она, немедленно спохватилась и снова сотворила замок около рта.

Обошлось и на этот раз!

Коза между тем приподняла голову и внимательно взглянула своими черными глазами на Машу.

— Кого ты там углядела, Марусенька? — удивилась Ефимовна, и Маша невольно схватилась за сердце.

Дом проклятых душ

Она бы закричала, да губы онемели от страха.

Марусенька?! Черные глаза... Значит, все-таки она!

Коза с лукавым видом повернула голову к Ефимовне, и та принялась обтирать сухой тряпицей ее вспотевшие бока.

Маша больше не могла здесь оставаться! Зажимая одной рукой бешено колотящееся сердце, а другой — рот, чтобы не издать ни звука, она попятилась, толкнула дверь спиной и ступила за порог, не имея ни малейшего представления, где окажется теперь и где искать Горностая.

Вся эта история началась одним летним вечером, когда Маша Миронова возвращалась домой и мысленно клялась сама себе, что никогда и ни за что в жизни больше не поведется на фотки в соцсетях и нежные письма в мессенджере. Но иногда вдруг припадала такая охота сходить замуж (хотя бы ненадолго, чтобы избавиться наконец от клейма засидевшейся одиночки, поскольку в женском сознании, которое, конечно, воспринимает действительность весьма своеобразно, лучше быть разведенкой и даже брошенкой, чем никому не нужной холостячкой), что она снова и снова пускалась на поиски счастья или хотя бы его подобия.

Порой она поругивала себя за то, что во время одной давней, еще институтской любовной истории так берегла свое девичество, что потеряла парня и не приобрела того жизненного опыта, который придал бы (как казалось Маше) ей особый лоск. Когда простилась со своим девичеством, желая во что бы то ни стало привязать к себе любимого парня. Но прошлого не вернешь, что же касается настоящего... Оно было печальным!

Будь Маша социологом, она уже могла бы написать вполне достойное исследование на тему «Че-

Дом проклятых душ

го хочет мужчина от женщины на первом свидании и чего хочет от него женщина» и даже опубликовать его в тех же не к ночи будь помянутых соцсетях, однако она была корректором одной из местных газет, а не социологом, поэтому просто сунула очередную неудачу в копилку памяти и в очередной раз дала себе слово оставить попытки найти друга жизни через интернет. Ходили, правда, слухи о каких-то счастливых браках, устроенных с помощью электронных свах, однако Маша считала эти слухи таким же враньем, как любое другое рекламное вранье.

А может быть, она сама виновата? Может быть, привыкнув опытным взором выискивать ошибки в текстах, она продолжает их выискивать и в тех мужчинах, с которыми встречается с радостной надеждой на что-то необыкновенное, невероятное, ошеломляющее, но все же, наверное, возможное (если кто не знает, эта штука называется «любовь с первого взгляда»), а уходит с перманентным разочарованием?..

Как вечно нечего надеть, так же не в кого и влюбиться. Общеизвестно, что все приличные мужики уже расхватаны и прикованы к семейным очагам, а неприличные, в любой момент готовые от упомянутого очага отковаться (конечно, ненадолго, ибо онный очаг свят, в него можно только изредка поплевать, но не более того!), Машу не интересовали.

Глобальную печаль этого вечера усугубляло то, что редакторша Ниночка Селезнева днем случайно (ага, конечно!) глянула Маше через плечо, когда та отвечала согласием на предложение красавчика Толика Терентьева (впечатляющая фотка прилагалась) встретиться нынче в новом кафе на улице

Елена Арсеньева

Рождественской и наконец познакомиться, так сказать, воочию.

— Ну надо же, без ошибок пишет! — восхитилась Ниночка. — Грамматика безупречна, а что с запятыми проблемы, так у кого нет проблем с запятыми?! Такого соискателя надо брать, Капитанская дочка!

Разумеется, для Маши имела огромное значение грамотность «соискателя», однако при встрече выяснилось, что если над внешностью Толика поработал фотешоп, то о его правописании, конечно, позаботился вордовский правщик. Но он не смог прибавить «соискателю» элементарной образованности.

Буквально через несколько минут после знакомства Толик вдруг возьми да и спроси, отчего на форуме «Любовь и флирт» (на этом форуме они нашли друг друга) Машин ник — Капитанская дочка: у нее отец капитан, что ли? А какого рода войск?.. И это при том, что ему уже были известны ее имя (Мария), отчество (Ивановна) и фамилия (Миронова). После этого вопроса Маша выкинула очередные мечты из головы, встала, положила на столик пятисотку (за заказанный, но так и не выпитый ею кофе и заказанное, но так и не скушанное пирожное) — и ушла по-английски, то есть не сказав Толику на прощание ни единого слова.

Страшно представить, что с этим болваном надо вечер провести, а уж ночь-то... а уж жизнь-то...

Нет. Нет и нет!

Так вот о глобальной печали. Разумеется, Ниночка Селезнева, которая решительно неспособна была хранить чужие секреты (она и свои-то не хранила!), непременно разболтает всему редакционному коллективу об очередном «соискателе» руки Капитанской дочки и, предвидя шквал вопросов и сочувственных либо осуждающих восклицаний,

Дом проклятых душ

которые завтра обрушит на нее родимый коллектив (на девяносто процентов женский), Маша почувствовала, что ей отчаянно хочется, чтобы завтра не настало никогда.

Ей даже домой неохота было спешить, потому что кот Маська непременно полезет на руки, будет лизаться, ластиться — и в очередной раз напомнит Маше Мироновой, что из всего мужского населения планеты Земля любит ее один только Маська — кот, да и тот кастрированный, да и тот в преклонных годах...

Впрочем, собаки ее тоже любили, но собаки у Маши не было, тут за Маськой оставалось право первенства, и нервировать его таким экстремальным соседством хозяйка не решалась.

Рождественка была по позднему времени совершенно безлюдна, но все же худо-бедно отвлекала от печальных мыслей своей безусловной купеческо-мещанской красотой.

Маша нарочно тащила еле-еле, разглядывая в медленно сгущающихся сумерках, которые в июне тянулись чуть ли не до полуночи, старательно и умело отреставрированные дома. Да, фасады сияли в лучах заката восстановленным шиком-блеском, но стоило шагнуть под арки, которые вели во внутренние дворы, картина резко менялась. Там отнюдь не сияло, а все еще зияло то самое вечно живущее дно, которое было некогда живописано Горьким.

Впрочем, в последнее время кое-что и во дворах начали латать-подлатывать, но все же много оставалось мест, даже подходить к которым было страшновато, и не потому, что существовала опасность столкнуться с татями ночными, зажившимися здесь со времен приснопамятных девяностых, а потому,